

Пирожков Геннадий Петрович

РОССИЙСКОЕ РОДИНО(КРАЕ)ВЕДЕНИЕ: ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX - НАЧАЛО XX В.)

В условиях расширяющегося преподавания краеведения актуализировалась проблема его истории, прежде всего, в контексте духовной составляющей. В изучаемое время краеведение оформилось как самостоятельная деятельность, получив развитие в качестве феномена разрушающегося традиционного общества, осмысливалась его теория и практика, оно постепенно оформлялось в уникальное явление культуры провинции, представленное в первую очередь образовательно-воспитательной и научно-популяризаторской деятельностью. В статье предложена не только версия зарождения родино-, краеведения, но и показан интерес к нему в современных образовательных методиках. Представлен обзор интерпретаций ряда понятий в дискурсе родино-, краеведения и анализ их концептуальных характеристик, сделана попытка прояснить историко-культурологические принципы феномена родино-, краеведения и наиболее важные аспекты процесса дефинирования отдельных терминов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. II. С. 175-182. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 908(470)

В условиях расширяющегося преподавания краеведения актуализировалась проблема его истории, прежде всего, в контексте духовной составляющей. В изучаемое время краеведение оформилось как самостоятельная деятельность, получив развитие в качестве феномена разрушающегося традиционного общества, осмысливалась его теория и практика, оно постепенно оформлялось в уникальное явление культуры провинции, представленное в первую очередь образовательно-воспитательной и научно-популяризаторской деятельностью. В статье предложена не только версия зарождения родино-, краеведения, но и показан интерес к нему в современных образовательных методиках. Представлен обзор интерпретаций ряда понятий в дискурсе родино-, краеведения и анализ их концептуальных характеристик, сделана попытка прояснить историко-культурологические принципы феномена родино-, краеведения и наиболее важные аспекты процесса дефинирования отдельных терминов.

Ключевые слова и фразы: родиноведение; краеведение; дискурс; локальные исследовательские практики; преподавание родино(крае)ведения.

Геннадий Петрович Пирожков, к.и.н., д. культурологии, проф.

Кафедра «История и философия»

Тамбовский государственный технический университет

gpptmb48@rambler.ru

РОССИЙСКОЕ РОДИНО(КРАЕ)ВЕДЕНИЕ: ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)[©]

С процессом бурного развития краеведения связана настоятельная потребность исследователей в «возвращении к истокам» родиноведческой науки и практики с целью осмыслить начальный исторический опыт зарождения и развития российского родино(крае)ведения.

Известно, что историческим исследованиям науки особое место отводит науковедение: для создания общей теории науки и для практических рекомендаций в области управления научными исследованиями необходима отправная точка; для самой науки история науки является, прежде всего, способом самопознания, что необходимо сегодня и краеведению как типичному научному феномену, который характеризуется собственным генезисом и развитием. Поэтому в науковедческом анализе краеведения особая значимость придается процессу создания этой науки, что требует, прежде всего, *исторического подхода*, позволяющего проследить возникновение и основные этапы формирования краеведения, движение теоретической мысли от предположений, догадок к научному знанию.

Историю российского краеведения мы подразделяем на два этапа: 1) предистория краеведения; 2) становление и развитие краеведения как научной и учебной дисциплины. Отсюда общая периодизация российского краеведения выглядит следующим образом.

1. Этап краеведческой мысли – предистория российского краеведения:

- а) краеведческая мысль древности и Средневековья;
- б) краеведческое знание (XVIII–XIX вв.).

2. Этап российского краеведения:

- а) период единого краеведения (XIX – начало XX в.);
- б) период разделения краеведения на социалистическое и буржуазное, победа коммунистических идей в краеведении, партизация краеведческого движения, подавление государством краеведов-носителей буржуазного краеведческого знания (1917-1991 гг.);

в) прогнозируемый период развития российского краеведения как единой науки и учебной дисциплины на методологической основе общечеловеческих ценностей (XXI в.) [10; 13; 15; 26; 27].

Таким образом, краеведческая мысль, зафиксированная в различных документах допетровского времени, развивалась как праистория краеведения. И только реформации XVIII в. создали основные предпосылки для возникновения краеведения как науки. Именно с этого времени открывается второй, то есть собственно научный, этап в развитии краеведения, который длится по настоящее время.

В Российской империи краезнание носило прикладной характер, что соответствовало незначительной роли краеведческих сведений в государственной и общественной жизни, ограниченному – элитарному – характеру движения краезнатцев, примитивным формам организации краеведческого дела. Тогдашняя наука не ставила задачу глубокого анализа краеведческого процесса.

Сегодня осмысление феномена краеведения необходимо и с точки зрения *социокультурного подхода*. Как социокультурный феномен краеведение имеет почти полуторавековую историю. С середины XIX в. оно переживает период становления и к началу XX в. оформляется как сложная, многоуровневая система, включающая в себя различные социальные организации, разные группы населения, представителей различных отраслей знания и практики, ориентированных как на научно-просветительную и образовательную

деятельность, так и на разнообразные формы социокультурной коммуникации и социального взаимодействия. Посредством моделирования качественных характеристик развития краеведения (как социокультурного феномена) в разные годы возможен анализ отдельных составляющих (элементов) краеведческой системы (социальных институтов, краеведческих учреждений и организаций, объединений краеведов, местной литературы и периодики и др.), допустимо прогнозирование его развития.

При историческом анализе материала по истории краеведения социокультурный подход позволяет выявить эффективные механизмы формирования сложной системы краеведения, её функциональных и структурных особенностей на разных этапах истории, в интерьере происходивших в России социокультурных изменений. В итоге – более объективное определение перспектив краеведения в контексте сегодняшней социокультурной ситуации и, главное, выявление его возможностей как науки и как отрасли деятельности человека для разработки и реализации культурной политики, прежде всего региональной.

В работах ряда известных исследователей истории краеведения в качестве первого этапа периодизации развития краеведения с точки зрения вышеназванного подхода указывается (для нас это звучит убедительно) вторая половина XIX – начало XX в.: «время формирования краеведения как сложносоставного интегративного социокультурного феномена, что проявлялось в его институционализации, складывании основных функций, форм и видов краеведческой деятельности» [18].

Чтобы «улучшить понимание» феномена и довести его до уровня единообразного видения многообразия форм и функций, найдём «новые языковые сопряжения» (по выражению представителя философской герменевтики Г. Гадамера), а именно с целью оптимизации конкретизируем понятийно-терминологическую структуру, привлекая при этом исторический план, так как существующие в нашей традиции представления о родино(крае)ведении унаследованы от прошлого. Когнитивную базу для обобщений предоставляют имеющиеся атрибуты, дефиниции, установления, причём их многозначность суммарно даёт массив – в рассеянной форме полифонию смыслов; чтобы обнаружить в ней потенциал внутреннего единства, важно редуцировать её к компактному, наименьшему числу понятий, терминов, определений.

Бесспорно, что в разработке истории краеведения в России преобладает исторический аспект: в литературе широко представлена история отечественного краеведения и её периодизация, показан историзм понятия «краеведение» через изменение его содержания [14; 22]. Есть ряд работ, выполненных на региональном материале [5; 23]. Имеются учебник «Краеведение» [13] и учебные пособия с разделами по истории российского краеведения [11; 21], терминологический словарь «Краеведение» [12].

На современном историографическом этапе, становление которого связано с системной трансформацией российского общества в 1990-х гг. и характеризовалось освоением новой методологической культуры, чрезвычайно актуализировалась проблема истории краеведения в контексте его духовной составляющей. В итоге в центре исследовательского внимания оказались не только организаторы и участники краеведческого движения, но и те, кто образовывал социальную среду родиноведческого генезиса – от представителей широкой публики до узких кругов научной общественности. Признание необходимости такого научного поиска отчетливо проявилось с началом широкого преподавания краеведческих курсов в учебных заведениях. Автор, ставший активным организатором и участником внедрения их в учебный процесс [6-9; 16], не единожды вынужден был отвечать на вопросы о предшественниках советских краеведов, когда приходилось «ломать» стереотипы, доказывая, что история краеведения (как и история России) началась не в 1917 г.

Сегодня термин «краеведение» стал «устаревшим», в учебных программах его всё чаще заменяет термин «региональный компонент» (очередное новомодное течение в образовательной практике), имеется мнение отдельных преподавателей-гуманитариев, готовых отказаться от краеведения; есть организаторы образования, преподаватели, не признающие культуролого-краеведения, впрочем, как и вообще культурологии. В силу низкой гуманитарно-методологической подготовки руководителей факультетов и кафедр в части учебных заведений краеведение как самостоятельный предмет исчезло из программ педагогических институтов, хотя краеведение – как факультатив или как самостоятельный предмет – ведётся во многих средних специальных учебных заведениях, общеобразовательных школах, колледжах и др. Оно распространено традиционно, выживая под давлением проводимых реформ в образовании за счёт активного использования преподавателями разных дисциплин не только краеведческих фактов и местных описаний событий и явлений, но и локального подхода к изучению макропроцессов; во многих учебных заведениях сказывается и традиционность преподавания краеведческих курсов («нас учили краеведению – это нужно и полезно в образовании и науке, и мы будем давать обучаемым краеведческую подготовку»).

В последнее время появились проблемы и в связи с масштабным обновлением социально-гуманитарной терминологии (вплоть до появления концепта «glamour»!). Например, излишне широко стал использоваться термин «регион», под которым часто понимается часть субъекта РФ и не всегда учитывается двойственность этого термина и связанные с ней функции региональной науки – фундаментально-научная и управленческо-прикладная.

На стабильное развитие и накопление научного краеведческого знания (как, впрочем, и любого другого) отрицательно влияет широкое, часто бездумное, употребление таких слов, как «инновация», «модернизация», «нанотехнологизация» и других, однако забывается, что «инновационировать-модернизировать» и «нанотехнологизировать» эффективнее на деле – на основе традиций, с учётом локального опыта, соблюдая необходимые (и не только материальные) условия. Поэтому часто на конференциях, заявляемых как краеведческие, преобладают профессиональные историки, изучающие историю отдельных «теперь регионов», часто понимая под этим термином область, город, район, а бывает даже и село, например, в краеведческой публицистике, ставшей

в последнее время заметной составляющей «теперь региональных» конференций. Далекое не всегда у исследователей присутствует желание замечать специфику выработанного более века тому назад краеведческого подхода. Однако как только регионовед заимствует наработки краеведов того времени – он, краеведческий подход, даёт о себе знать. В большинстве исследовательских работ в области регионоведения (регионалистики, регионологии и т.п.) нетрудно увидеть краеведческий инструментарий (за исключением регионоведческого).

Многие коллеги сетуют: сегодня – «региональная культурология» и «регионоведение», а поскольку созданы федеральные округа, то завтра «федерально-окружная культурология»? А если административно-территориальное деление страны изменится, например, будет создано 10-15 губерний, что тогда – «губернская культурология» и «губерноведение»? О краеведении же традиционно говорят: человек родился в конкретной местности, «с молоком матери» на всю жизнь впитал мироощущение близкого ему сообщества людей, культуру родной земли, поэтому объект его любви и вдохновения не губерния, не федеральный округ, не регион. Житель России на всю жизнь связан с местом рождения и начального воспитания, с отчим краем – он у него один. К тому же большинство современных регионов настолько территориально велики, многонациональны и поликонфессиональны, что подходить к оценке их культурного развития с одной меркой – регионоведческой – ненаучно. Так, более-менее всё понятно с регионом 68 (Тамбовская область). А как разбраться в том, что есть, например, регион 23 (Краснодарский край) и существует как регион Северный Кавказ, который включает в себя ряд регионов, в том числе и регион 23?

Традиция краеведческого описания отдельных местностей (сёл, приходов, волостей, городов, губерний) была заложена в 1840-х гг. Огромное количество подобных работ, появившихся во второй половине XIX – начале XX в., пока не стало предметом целостного анализа, а внимание большинства современных краеведов привлекают факты из хроник губернских учёных архивных комиссий, статистических комитетов, «Губернских ведомостей» и «Епархиальных ведомостей», примеры из биографий ярких краеведов-самородков, оставивших богатое литературное наследие. Когда же происходит обращение к описаниям отдельных территорий, то интерес состоит в выявлении содержащейся в работе позитивной информации по их истории, этнографии, экономике и т.п., а не в рассмотрении самого подхода, на основе которого выстроено используемое произведение.

В некоторых работах история краеведения полностью сводится к истории провинциальной исторической науки. Так, в докторской диссертации В. И. Первушкина «Становление и развитие провинциального краеведения в России во второй трети XIX – начале XX века (на примере Пензенской, Тамбовской и Саратовской губерний)» «объект исследования – историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов, губернских учёных архивных комиссий, церковно-археологических и церковно-исторических комитетов и комиссий, специфика их организационного и научного развития в Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерниях. Предмет исследования – становление и развитие провинциальной исторической науки во второй трети XIX – начале XX в.» [5, с. 2]. Другими словами, у автора получается, что «провинциальное краеведение в России» – это (=) «провинциальная историческая наука».

Конечно, следует учитывать, что имеют место перемены (они неизбежны!) в подходах к анализу проблемы, во взглядах на суть краеведения, его организационные формы, на место в образовательно-воспитательной практике, что во многом связано с новым этапом модернизации России, со временем разрушения традиционного общества. Именно с этими процессами совсем не случайно совпало бурное развитие краеведения. Быстро обновляющаяся жизнь создавала для миллионов россиян принципиально новые условия существования и утверждала новые культурные ценности – в прошлое уходил громадный пласт культуры, порождённый обществом относительно статичным, разбитым на миллионы самостоятельных мирков в пределах села и прихода. Но уходящая «старина» сохраняла притягательность, вызывала интерес (и до сих пор манит к себе) как культурная ценность, как недавнее, но уже прошлое.

В связи с этим на государственном и общественном уровнях проходила институционализация краеведения. Первыми государственными учреждениями, включившимися в краеведческую деятельность, были появившиеся в 1830-х гг. губернские статистические комитеты, чьей основной функцией стало ведение местной административной статистики.

Интересы русской провинциальной интеллигенции нашли яркое отражение в деятельности замечательного русского историка той эпохи А. П. Щапова в связи с его идеей областности. Ни у кого концепция «областничества» не получила такой стройной формулировки, исторической аргументации, как у него. Не центр, а провинции должны стать полем настоящей полезной народу деятельности – таков был лозунг некоторых шестидесятников. Начало областности ещё мало осознано наукой – говорил Щапов. «У нас доселе господствовала в изложении русской истории идея централизации, развивалось какое-то чрезмерное стремление к обобщению, к систематизации разнообразной областной истории... Нисколько не раскрываются разнообразные историко-этнографические, бытовые и экономические особенности областей, не изображаются моральные, политические и физико-географические условия их внутреннего развития и быта». А между тем русская история есть по преимуществу областная, история областных масс народа; областная летопись повествует нам про вековую, особую, самобытную жизнь области [1].

Созданная Щаповым концепция «областничества» послужила теоретическим обоснованием для занятий местной историей многих любителей. Так, первые опыты историко-краеведческих описаний представлены исследованиями С. А. Березнеговского (Тамбовская губерния), А. Ф. Леопольдова (Саратовская губерния), Н. В. Прозина (Пензенская губерния) и др. Убедённые сторонники идей Щапова (Г. Н. Потанин, А. С. Гациский и многие другие) были настоящими основоположниками краеведения. Их работы не являлись

в прямом смысле этого слова историческими произведениями, а носили скорее прикладной характер. Тем не менее наличие подобных описаний свидетельствовало о нарастающем интересе к местной истории и отражало процесс накопления исторической информации.

С 1880-х гг. для экспертизы документов, предназначенных к уничтожению, и формирования местных архивов были созданы организации с полуофициальным статусом – губернские учёные архивные комиссии. Реализуя свои социальные функции, они накапливали эмпирические данные о конкретных территориях, классифицировали и транслировали их. Для общественных организаций, возникших на местах во второй половине XIX в., – научно-просветительных обществ, кружков, церковных историко-археологических комитетов и др. – краеведческие занятия постепенно формировались как одно из основных направлений, получая в каждом конкретном случае либо определённую предметную специализацию, либо развиваясь комплексно. В эти организации входила, как правило, образованная часть местного населения, профессионально представленная преподавателями, врачами, чиновниками и священниками. Для них занятия краеведением были работой любительской, обусловленной, прежде всего, ценностными ориентирами и мотивациями, имманентными как данной социальной группе, так и конкретному краеведу-исследователю.

Постепенно краеведение функционально включалось в социокультурную коммуникацию на губернском и локальном уровнях. Преобладавшее поначалу любительство краеведов сменялось профессиональными занятиями по изучению края, чему способствовало, прежде всего, появление библиотек, архивов, музеев, которые стали самостоятельными социальными институтами. Развёртывалась работа по собиранию и сохранению памятников истории и культуры – носителей ретроинформации. Ширилась трансляция полученных знаний и информационный обмен через разного рода библиотечные и архивные документы, музейные экспозиции, лекции и доклады, краеведческие издания.

С ростом публикаторской деятельности наряду с развитием журнальной рецензии появляется специальная область научной исторической библиографии – краеведческая. Развитие местной библиографии было связано с именем Б. И. Межова: в 1903 г. вышла подготовленная им «Сибирская библиография» в 3-х томах, ему же принадлежит «Библиография Азии» в 2-х томах. В этом направлении работали также библиографы Д. Смышляев (по Пермскому краю), М. Миансаров (по Кавказу) и др. Появление библиографических работ было связано с расширением изучения местной истории [19, с. 366-367]. Свой заметный вклад в создание местной библиографии внесли краеведы – исследователи, путешественники, педагоги.

Усилия центральных и губернских научных центров, появившихся в середине – второй половине XIX в., рост грамотности населения катализировали процесс описания той – уходящей, но культурно привлекательной жизни в ходе модернизации России и разрушения её традиционного уклада. Краеведение пыталось раскрыть культурную значимость прежних ценностей местных сообществ, существовавших в отдельных сёлах и городах, по возможности их сохранить. Именно поэтому праздничные, свадебные, погребальные, аграрные обряды, местные предания и сказки, жизнь и деятельность знаменитых земляков, ставших символами уходящей жизни, прошлое сельских храмов с их древними иконами, книгами, мощами святых и т.д. интересовали краеведов гораздо больше, чем, к примеру, история села или природа края.

Во второй половине XIX в. краеведение оформилось как конфигурация самостоятельной деятельности. К началу XX в. были осмыслены некоторые теоретические вопросы краеведения, принятого в его рамках подхода. И эти обстоятельства позволяют согласиться с утверждением, что само краеведение конца XIX – начала XX в. получило развитие именно потому, что выступило в качестве феномена разрушающегося традиционного общества [2]. Постепенно оно оформилось в самостоятельное явление культуры российской провинции.

Изучаемый период стал временем формирования такой значимой формы образовательно-просветительной деятельности, как экскурсия. Именно в то время были заложены основы отечественной экскурсионистики, произошло возникновение и становление экскурсионной практики, создание её организационной и информационной структуры. Вся экскурсионная работа была тесно связана с родиной (отчизной, крае-)ведением, система народного просвещения стала основной и наиболее массовой сферой, в которой формировалась экскурсионная отрасль и национальная экскурсионная школа в целом. Ещё более продуктивными для развития краеведческо-экскурсионного дела были 1907-1917 гг. Если раньше оно развивалось главным образом как метод обучения через проведение учебных, музейных и внемузейных экскурсий, то теперь активно обобщался накопленный первичный опыт, вырабатывалась теоретическая основа экскурсионной деятельности, что было связано в первую очередь с развитием краеведения. Этим активно занимались краеведы-практики, педагоги-энтузиасты В. И. Комаринский, В. Ю. Ульянинский, Б. Е. Райков, Н. Г. Тарасов и др. В 1910 г. Б. Е. Райков издал книгу «Школьные экскурсии, их значение и организация», в которой впервые чётко сформулировал принципы методики проведения экскурсий. Вопросы экскурсионной работы в культурно-образовательных учреждениях обсуждались на Всероссийских учительских съездах (1906-1916 гг.), в журналах «Русский экскурсант», «Школьные экскурсии и школьный музей» и др. [4].

Понятие «экскурсия» содержит комплексное (визуальное, вербальное, эмоциональное) восприятие предлагаемых экскурсионным маршрутом объектов с целью приобретения знаний и впечатлений. Из этой дефиниции ясно, что специфика любой экскурсии заключается в единстве показа и рассказа, что несёт в себе огромный педагогический потенциал. Поэтому вся экскурсионная работа всегда была тесно связана с народным образованием и краеведением.

Таким образом, реализация вышеуказанных функций краеведения была заметно представлена в первую очередь образовательно-воспитательной и научно-популяризаторской деятельностью. Краеведческий

подход, локальное описание как метод постепенно проникали в научную сферу. Так расширялись социальные функции краеведения.

Это было связано и с тем, что на рубеже XIX-XX вв. в развитии краеведения появляются новые элементы, постепенно складывающиеся в процесс, который специалисты называют профессионализацией: меняется состав членов краеведческих организаций за счет увеличения профессионально занимающихся краеведением; формируются понятийно-терминологический аппарат и концептуальная база краеведения (в научном обороте появляются термины «родиноведение», «отчизноведение», «краеведение»; публикуются первые работы по истории, о содержании, задачах и методах краеведения и др.); в образовании становится заметной предметная специализация краеведения, например, выделяется историко-культурное направление, ставшее позже основой региональной истории, естественно-научные краеведческие исследования сформировали базу региональной географии.

Эти обстоятельства позволяют предположить, что новые дисциплины, взявшиеся в последние десятилетия за изучение отдельных регионов, даже при профессионализме исследователей, вряд ли сумеют занять место краеведения, хотя, с другой стороны, интенсивное изживание российским обществом ценностей традиционализма делает неизбежным его обновление. Уверенность в успехе вселяет то, что краеведение всегда было нацелено на изучение особенностей отдельных сообществ. Поэтому всегда будет потребность в уяснении особенностей местных форм организации жизни, характерных обыкновений, привычек и вкусов горожан и селян. Нельзя согласиться с мнением, что на это не надо обращать внимание – достаточно ввести единые для всей страны (а то и для всей Европы) формы организации жизни. Однако этот путь в никуда: Россия уже разобщена, многие её граждане потеряли связь с родным краем и земляками, лишились родовых корней, без которых листья не бывает. Именно краеведение может серьёзно помочь возродить человека к полнокровной жизни и творчеству, напитав его соками родной стороны. При условии – если оно будет соответствовать нынешним образовательно-воспитательным задачам, получив поддержку и краеведов, и научного сообщества, и властных структур.

В развитии краеведения в конце XIX – начале XX в. заметен доминирующий учебный аспект: хотя оно не преподавалось, при обучении тем не менее очень широко использовались краеведческие знания. Свидетельство тому – бурное развитие школьного краеведения, что также способствовало появлению первых признаков отделения краеведения как науки от практики. Как всякая наука вычленилась из общего человеческого знания, упорядочивалась, становилась целостной, образуя дисциплинарное, систематическое знание, так и краеведение становилось совокупностью всех относящихся к отдельным частям страны знаниям. Под влиянием практических потребностей накопившиеся ранее эмпирические знания и представления о территориях трансформировались в определенную научную систему, которая сначала получила название «родиноведение», а в начале XX в. – «краеведение».

Фундаментальным основанием в рассматриваемом ракурсе является феномен родиноведения. Укажем, что история отечественного родиноведения ещё полностью не воссоздана. Однако предпринимаются попытки рассмотреть проблему как в теоретическом, так и в прикладном плане [17; 20]. Родиноведческий компонент пополняет группу типологических признаков, свидетельствующих об утверждении индустриальной урбанизированной цивилизации, ядро которой – действующая личность. Как человек конца XIX – начала XX в. пытался осознать себя в резко изменяющемся мире, так и сегодня, через сто лет, гражданин России, теряя (или потеряв) прочную связь с «почвой», начинает искать опору в обычаях предков, в культуре своего рода, семьи, в традициях малой Родины.

Связь с родным краем питает творчество больших мастеров. Для известных российских учёных, публицистов, художников всегда было важным осмысление темы «Малая Родина – большая Родина», воспитание патриотизма как гражданских идеалов. Эти философско-мировоззренческие идеи и установки присутствуют в творческом наследии многих мыслителей – от самых известных фигур российского масштаба до провинциальных (например, Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев – в Сибири, И. И. Дубасов – в Тамбове и др.). Много сделали в этом направлении позже забытые оригинальные учёные, представители научно-педагогической интеллигенции (например, С. И. Гессен, М. М. Рубинштейн и др.).

Таким образом, теоретические изыскания шли параллельно с развёртыванием самого родиноведческого движения. Как в российском масштабе, так и на региональном уровне имелись ученики и сподвижники, переводившие новацию в традицию, закреплявшую её в виде создания инфраструктурных ячеек местных культурных гнёзд. Их имена становятся известными из новейших публикаций [3]. Модель образа конкретно края, созданная отечественными родиноведами в начале XX в., была развита позже.

Родино(крае)ведение как и любая наука – категория историческая. Краеведческое знание связано с развитием условий для научно-поискового творчества большой массы людей, что возможно при наличии в государственно-общественной жизни достаточных элементов демократии. Это подтверждает история российского краеведения: при И. В. Сталине родиноведческие теоретические разработки были свёрнуты, краеведческие исследования практически прекратились.

Интерес к феномену родиноведения усилился в формирующейся исследовательской междисциплинарной модели и образовательных методиках со второй половины 1980-х гг., когда в условиях «методологического плюрализма» (Ю. Н. Афанасьев) произошёл быстрый слом монистической модели историко-краеведческого знания. На протяжении десятилетия шла своего рода конкурентная борьба разного рода теоретико-методологических конструкций за место доминирующей парадигмы, утраченное марксистской платформой.

В те годы академик Д. С. Лихачёв очень боялся свободы современного человека от собственных культурных корней, он писал о необходимости «духовной оседлости», имея в виду нравственность, призывал к созданию особой науки – «экологии культуры». Можно полагать, что под «духовной оседлостью» Д. С. Лихачёв подразумевал внутреннюю зрелость. И в её воспитании важнейшую роль учёный отводил краеведению, которое очень высоко ценил.

Сегодня заметно тяготение людей к малой родине. Но краеведение может восполнить только часть этой потребности. Дело в том, что понятийная сеть краеведения ограничена локально. Краеведение описывает территорию. Родиноведение же характеризует состояние человека, находящегося в интенсивных связях со всем миром, оно не может быть локально замкнутым, поэтому дидактический потенциал родиноведения колоссален.

Полезно вспомнить пример истории родиноведения в Германии, где оно имеет давние традиции, восходящие к учению И. Песталоцци о роли природы в воспитании и образовании детей. Родиноведение было обязательным предметом в немецких «народных» школах с 1908 г. В годы гитлеризма оно впитало в себя идеологию национал-социализма и в 1945 г. было устранено из системы образования. Но уже в 1950-х гг. родиноведение снова преподаётся в младших классах, а в старших фигурирует в качестве «дидактико-методического элемента образования», хотя и подвергается критике за «развлекательно-психологическую направленность». Однако в ФРГ было признано, что родиноведение может быть посредником в приобщении детей к более широким горизонтам, с 1969 г. оно имеет уже статус обычного школьного предмета. В ГДР родиноведение претерпело аналогичную судьбу, преподавалось в 1-4 классах средней школы. В те годы в немецкий язык глубоко вошли понятия «народных праздников» и «праздников родины» (Heimatfeste), которых не сотни, а тысячи.

В современной западноевропейской традиции тема патриотизма разрабатывается не только в конкретно-исторической динамике, но и акцентирует внимание на философско-мировоззренческом содержании понятия «Родина». Так, немецкий учёный Райнер Пипмайер в статье «Философские аспекты понятия “Родина” (Heimatbegriffs)», помещённой среди дискуссионных докладов сборника Федерального центра политического образования ФРГ (1989 г.), вводит четыре измерения трактовки понятия «Родина»: первое определяет его сущность через связь с обжитым пространством, которое окружало и будет окружать человека; второе вводит временную совокупную координату, соединяющую воспоминания, современность и будущее; третье очерчивает границы Родины с помощью соответствующих мест деятельности человека; четвёртое отражает Родину как коммуникативную среду. Отметим открытость всех этих измерений [25].

Итак, XIX в. и начало XX столетия были плодотворными для родино(крае)ведения. Именно в то время в научный дискурс вошла мысль о тесной взаимосвязи образования и краеведения, о влиянии краеведения на библиотечно-музейно-архивные практики, экскурсионное дело, на ряд преподаваемых учебных дисциплин. В науку были внедрены новые понятия и термины: родиноведение, отчизноведение, краеведение, краеведческая библиография, школьное краеведение, краеведческая экскурсия и другие, начали формироваться их определения.

В понятийной системе родино(крае)ведения краеведение становилось одним из центральных, «краеведение» было дефинировано как термин, закреплённый в словарях, научной и учебной литературе, в официальных документах, что обуславливало официальность дефиниции и обязательность её применения. Получили определения и другие термины и понятия, вошедшие в родино(крае)ведческий дискурс. Однако развитие феномена краеведения, ощущение неточности предложенных много лет назад дефиниций, расхождение с интуитивным пониманием их сути и другое заставляли географов, историков, культурологов, терминологов последующих лет возвращаться к этому вопросу и вносить поправки, формируя матрицу понимания феномена *родино(крае)ведение* через понятия, которые ёмко, в конденсированной форме выражали его фундаментальные свойства и имели достаточно ясные обозначения, определённые словарным способом или сформулированные на теоретическом уровне.

Краеведение активно формировалось как научная дисциплина. Однако оно представляло собой в основном формально-техническую дисциплину, характеризующуюся высоким удельным весом проблематики практической направленности. Краеведческое движение не было массовым, деятельность местных обществ любителей истории и культуры родного края держалась на энтузиазме одиночек, которые, всецело увлечённые научными поисками, сохранением провинциальных архивных документов, формированием коллекций, спасением памятников старины, организацией библиотечных и музейных собраний, придавали развитию краеведения мощный импульс, ведя за собой любителей прошлого. Прагматичный интерес государственных структур к краеведческому движению в основном как к инструменту решения проблемы сохранности архивных, музейных и библиотечных фондов мало способствовал деятельности провинциальных научных обществ. Только отдельные представители русского чиновничества в силу своего высокого культурного и интеллектуального уровня были всерьёз озабочены духовным развитием страны и понимали огромную воспитательную роль краеведения. Они во многом способствовали созданию благоприятных условий для краеведческой деятельности.

XX в. в развитии краеведения – самое сложное и продуктивное время. Принципиальное его отличие от краеведения предыдущего периода заключается в том, что произошло разделение его на буржуазное и социалистическое. Оба направления представляли собой тесно взаимосвязанные в профессиональном и неприимимые в идеологическом отношении течения. Ввиду резкого скачка в развитии информационного общества во второй половине XX столетия, поле научного и околонучного дискурса в области краеведения и его взаимосвязи с другими социальными и политическими институтами стало столь обширным, что заслуживает подробного анализа в отдельной статье. Однако заметим, что в основном и в целом феноменохарактеристика родино(крае)ведения сложилась до информационного бума в России.

С конца 1980-х гг. всесторонне разрабатываются частные разделы краеведения, на их стыках с другими научными дисциплинами возникают новые ответвления краеведческого знания. Набирают силу новые отрасли краеведения. Постепенно происходит смена парадигмы краеведения, обусловленная нарастанием значения информации в жизни общества.

В демократической России значение родино(крае)ведения осознаётся в самом широком научном и социокультурном контексте. Сегодня уже невозможно возрождение монистической модели, поэтому вполне естественна множественность теоретико-методологических, историко-философских подходов к науке, в том числе и к родино(крае)ведению, которое нужно сегодня в первую очередь учебным заведениям. Под родиноведением вряд ли оправданно подразумевать особый предмет, это скорее должна быть система образовательно-воспитательной работы, которая складывается как из учебных, так и внеклассных действий, направленных на ознакомление молодых людей с материальным, духовным и эстетическим богатством родного края.

Расширение преподавания родиноведения – важное свидетельство нового качества в развитии краеведения, которое функционально включается в процесс становления гражданского общества, остаётся заметной формой общественного участия населения в решении социально значимых проблем с опорой на знание специфики территории проживания. В таком контексте краеведение выступает своеобразной философией локального обустройства, которая приобрела ценность в новой России с исчезновением жёстких социально-политических установок советского периода.

Список литературы

1. **Архангельский С. И.** Из истории краеведческой идеи в Нижегородском крае (Мельников – Печерский – Гациский – Короленко) // Краеведение. 1925. № 1-2. С. 71-80.
2. **Ачкасов В. А.** Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. 2001. № 3. С. 83-92.
3. **Казьмина Е. О.** Лебедев В. В. – видный деятель дореволюционной Тамбовщины // Культура русской провинции: новые исследования: материалы науч.-практ. конф. Тамбов, 2002. С. 86-89.
4. **Киселёва М. А.** К вопросу о периодизации отечественного экскурсионного дела // Актуальные проблемы социокультурных исследований: межрегион. сб. науч. ст. Кемерово, 2008. Вып. 4. С. 299-305.
5. **Первушкин В. И.** Становление и развитие провинциального краеведения в России во второй трети XIX – начале XX века (на примере Пензенской, Тамбовской и Саратовской губерний): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2008. 50 с.
6. **Пирожков Г. П.** Генеалогия: программа курса, планы семинар. и практ. занятий. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 1998. 8 с.
7. **Пирожков Г. П.** Геральдика: программа курса, планы семинар. и практ. занятий. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 1998. 7 с.
8. **Пирожков Г. П.** Историческая география: программа учеб. курса. Тамбов: Изд-во МИНЦ, 1998. 7 с.
9. **Пирожков Г. П.** Историческое краеведение: программа автор. курса. Тамбов: Тамб. фил. МГУКИ, 2005. 20 с.
10. **Пирожков Г. П.** К вопросу о периодизации научной и учебной дисциплины // История науки и техники. М., 2006. № 3. С. 51-59.
11. **Пирожков Г. П.** Краеведение: учеб. пособие: в 2-х ч. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 1996. Ч. 1. Введение в краеведение. История краеведения. 104 с.; Ч. 2. Источники краеведения. Краеведческая работа. 180 с.
12. **Пирожков Г. П.** Краеведение: терминологический словарь. Тамбов – М. – СПб. – Баку – Вена: Изд-во МИНЦ, 2006. 80 с.
13. **Пирожков Г. П.** Краеведение: учебник. Тамбов – М. – СПб. – Баку – Вена: Изд-во МИНЦ, 2006. 272 с.
14. **Пирожков Г. П.** О предмете краеведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. 1. С. 134-136.
15. **Пирожков Г. П.** Теория краеведения: монография. СПб.: Нестор, 2005. 280 с.
16. **Пирожков Г. П.** Топонимия Центрально-Черноземного края: проблемы и методы изучения: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 1996. 16 с.
17. **Пирожков Г. П., Клемина Л. В.** Преемственность родиноведческих традиций Тамбовской учёной архивной комиссии в деятельности Тамбовского центра краеведения // Формирование специалиста в условиях региона: новые подходы: материалы 4-й всерос. межвуз. науч. конф. (Тамбов, 12-13 апреля 2004 г.). Тамбов – М. – СПб. – Баку – Вена: Изд-во МИНЦ, 2004. С. 76-78.
18. **Размустова Т. О.** Изучение «малой родины» как часть национальной культуры // Культурная деятельность и культурная политика: сб. науч. тр. НИИ культуры. М., 1991. С. 77-78.
19. **Рубинштейн Н. Л.** Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.
20. **Рыженко В. Г.** Родиноведческие идеалы и традиции как фактор укрепления культуры российской провинции: XX в. // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научного сообщества: материалы 3-й всерос. науч. конф. Омск, 1998. Т. 2. Интеллигенция России: динамика, образы, потенциал местных культурных гнёзд. С. 3-8.
21. **Строев К. Ф.** Краеведение: учеб. пособие. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1974. 35 с.
22. **Филимонов С. Б.** Краеведение и документальные памятники: 1917-1929 гг. М.: Археограф. комиссия АН СССР, 1989. 178 с.
23. **Чернов А. С.** История Тамбовского края: учеб. пособие. Тамбов – М. – СПб. – Баку – Вена: Изд-во МИНЦ, 2005. 136 с.
24. **Шмидт С. О.** Краеведение и документальные памятники. Тверь: МП «Алтей», 1992. 86 с.
25. **Pipmeir R.** Philosophische Aspekte des Heimatbegriffs // Heimat: Analysen, Themen, Perspektiven: Diskussionsbeiträge zur politischen Didaktik / Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn, 1990. S. 91-107.
26. **Pirozhkov G. P.** Ethnography: the Code of the Analysis from the Point of View of Scientific Studies // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Тамбов, 2006. Т. 12. № 1 Б. С. 227-234.
27. **Pirozhkov G. P.** Regional Studies: about the Periodization of the Discipline // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Тамбов, 2005. Т. 11. № 4. С. 1030-1038.

**RUSSIAN NATIVE LAND (REGIONAL) STUDIES: ORIGIN AND DEVELOPMENT
(THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY)**

Gennadii Petrovich Pirozhkov, Ph. D. in History, Doctor in Culturology, Professor
*Department of History and Philosophy
Tambov State Technical University
gpptmb48@rambler.ru*

Under the conditions of expanding regional studies teaching, the problem of its history is actualized, especially in the context of spiritual component. In the period under discussion regional studies became an independent activity, developed as collapsing traditional society phenomenon, its theory and practice were comprehended, it was gradually formed as unique province culture phenomenon, primarily represented by educational, scientific and popularizational activity. The author suggests not only the version of native land and regional studies origin, but also shows the interest to them in modern educational methods, presents the overview of a number of notions interpretations in the discourse of native land and regional studies and their conceptual characteristics analysis, and undertakes the attempt to clarify the historical-cultural principles of native land and regional studies phenomenon and the most important aspects of certain terms definition process.

Key words and phrases: native land studies; regional studies; discourse; regional research practices; native land and regional studies teaching.

УДК 63.3(2)5+06

Статья представляет собой первое исследование истории изучения исторической наукой политики Николая I в крестьянском вопросе. В ней выделены и охарактеризованы этапы развития историографии, сделаны выводы о формировании концепции аграрной политики второй четверти XIX века как подготовительного этапа отмены крепостного права.

Ключевые слова и фразы: историография; источники; самодержавие; реформа; реформаторство; модернизация; крестьянство; помещики; крепостное право.

Александр Федорович Поташев, д.и.н., профессор
*Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Ростовский институт защиты предпринимателя
af-potashhev@yandex.ru*

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИКИ НИКОЛАЯ I ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ[©]

В наши дни актуально изучение практики подготовки и проведения социально-экономических и политических преобразований. Важной научной проблемой является генезис будущих реформ Александра II в период правления его отца – Николая I [29], который называл одним из своих приоритетов поиск путей отмены крепостного права.

Уже в дореволюционный период историки ввели в научный оборот руководящие указания монарха учрежденным по его повелению комитетами и комиссиям, составленные ими проекты по крестьянскому вопросу [12; 18; 19; 34]. Одни историки акцентировали внимание на сохранении крепостного права при Николае I [1; 6; 11], другие признавали роль его царствования в подготовке крестьянской реформы 1861 г. [3; 13]. Анализ подготовительных материалов и набросков В. О. Ключевского к «Курсу русской истории» показывает ход мысли историка: вначале он считал, что Николай I придерживался помещичье-охранительного направления, стремился «продлить отсрочку нерешенных вопросов», «крестьянский вопрос... ни на шаг не был подвинут к решению», но затем автор приходил к пониманию того, что «подготовлены были условия, под действием которых шла преобразовательная деятельность императора Александра II... Крестьянская реформа была исходным моментом и вместе конечной целью всего преобразовательного дела» [16, с. 429, 434, 430]. В окончательном тексте работы В. О. Ключевский рассматривал законы, изданные при Николае I, в контексте ограничения правительством частнособственнических appetites помещиков, чтобы «охранить государственный интерес», заявить «мысль, что крепостной человек – не простая собственность частного лица, а прежде всего подданный государства» [Там же, с. 254]. В дореволюционный период историки признали наличие у Николая I преобразовательных намерений, высказали различные мнения о степени действенности и результативности его мероприятий по крестьянскому вопросу. В учебной литературе утвердилось представление о том, что царя сдерживал «страх перед опасностью внезапного освобождения миллионов рабов» [28, с. 345]. В наши дни переиздаются работы дореволюционных авторов, которые разрушают стереотипное представление о реакционности второй четверти XIX в., отводят этому этапу значительную роль в подготовке отмены крепостничества. В них подсчитано, «что в царствование Николая по крестьянскому вопросу было сделано во всяком случае больше, чем в царствование либерального Александра I» [17, с. 297].